

**Доклад академика АН РТ,
директора Института истории АН РТ *Р.С. Хакимова*
«Новые методологические подходы
к гуманитарным наукам и формирование
идентичности татар в современных условиях»**

Уважаемые коллеги!

Успехи гуманитарных дисциплин еще никогда не были столь зримыми, как сегодня, никогда раньше так основательно не изучалась история татар, Казанского края и его народов. В то же время успехи гуманитариев высвечивают стоящие перед нами проблемы.

Назовем некоторые из них. Фундаментальные труды востребованы и, несмотря на большие тиражи, они не залеживаются. Академические работы являются базой для написания более популярных книг, сценариев фильмов и т.д. В то же время существует острая потребность в более доступной литературе. В Институте истории мы начали выпуск научно-популярной серии, но это внеплановая работа, строящаяся на энтузиазме, а главное — не имеющая адекватной системы распространения. Размещение наших книг на сайтах сталкивается с нехваткой места в Интернете, т.е. с финансовой проблемой.

К сожалению, наши ученые не умеют писать для детей. Это, конечно же, отдельная серьезная тема, требующая помощи писателей.

Серьезной проблемой остается издание учебников. В Институте истории подготовлены свои варианты учебных пособий, которые пользуются популярностью в республике, но они не воспринимаются в Москве.

Мы понимаем, что нужно заниматься прикладными работами. Специалисты-гуманитарии Академии наук работали над изучением истории Казанского кремля, доказательством 1000-летия Казани и Елабуги, работают

над восстановлением Булгара и Свияжска, а также на десятках объектах по всему Татарстану, в Поволжье. Приятно видеть результаты своего труда, это благодарная задача, но она отвлекает наши силы от исследования фундаментальных проблем. Будет правильно, если часть прикладных проблем в сфере истории возьмет на себя Институт энциклопедии.

Основная наша проблема связана с методологическими вопросами гуманитарных наук. Зададимся вопросом: чем определялись наши успехи?

Прежде всего, общая демократизация в стране дала нам свободу в выборе тем, в частности сняли запреты на изучение Золотой Орды и татарских ханств, открылся доступ к архивам. В ответ сформировался целый отряд исследователей этих проблем, причем по всей России. Исчезли идеологические установки. Если раньше гуманитарная наука была доказательством истинности исторического материализма, то сегодня можно писать непредвзято.

Существенно то, что появилась Академия наук Татарстана с собственной волей и финансами. Хотя у нас прекрасные отношения с профильными институтами Российской Академии наук (РАН), тем не менее, мы прекрасно понимаем, что сохраняются негласные установки или внутренний цензор, который подсказывает, что можно говорить, а чего нельзя. Например, в Москве не могут открыто сказать, что Куликовская битва была внутренним политическим противостоянием в Золотой Орде, а Дмитрий Донской был союзником хана Тохтамыша в борьбе

с Мамаем, что у Дмитрия Донского вся конница была татарской. Обо всем этом историки знают, но в Казани это можно говорить, а в Москве — нет.

Не дай бог оказаться под методическим руководством Института этнологии РАН, где его директор В.А.Тишков, придерживающийся конструктивистских позиций утверждает, что все народы — это изобретения политиков и идеологов, и сегодня нужно создать новую «российскую» нацию без татар, чуваш, марийцев, чеченцев, и даже без русских. Будущее нельзя сконструировать произвольно. Достаточно вспомнить кампанию за формирование «советского народа» или «югославского народа». Все это закончилось печально, и даже трагически. Любые конструкции без учета истории и традиций не жизнеспособны.

Наш прорыв в гуманитарной сфере произошел за счет закрытия кричащих прорех, за счет новых тем, координации усилий ученых разных стран вокруг нескольких ключевых проблем, в которых мы можем быть монополистами, т.е. тема болгарской цивилизации, Золотой Орды и татарских ханств, межнациональное согласие, исламоведение и некоторые другие. Но методологический арсенал остался прежним, просто сняли ссылку на Маркса и Ленина. Сталинизм ругают днем и ночью, и правильно делают, но, например, сталинское определение нации так и гуляет по страницам наших трудов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что некоторые исследователи, ругающие Маркса и Ленина, сами являются яркими конструктивистами.

В итоге оказалось, что наши ученые продолжают изучать общество в советских традициях, т.е. пишут с точки зрения базиса и надстройки, при этом исторические труды похожи на отчеты Госкомстата по урожайности и валовому продукту. Для исследователей существуют трудящиеся, а личностей нет, т.е. историю творила экономика, а люди были при ТЭЦ, при авиапроме, машиностроении, приборостроении, на жатве и т.д.

Далее оказалось, что за советское время ученые гуманитарной сферы отдалились друг от друга. Лингвисты общаются на диалектах, этнологи изучают культуру мишар, кряшен, нагайбаков, астраханских, сибирских, касимовских, пензенских, пермских, московских, башкирских и других татар — всех не перечить. Археологи все что раскапывают, называют именами деревень и трудно понять о какой культуре идет речь. Литературоведы пересказывают великие произведения наших поэтов в прозе.

Ученые говорят на разных языках. Татар поделили на такие составные части, что неизвестно, как теперь собрать вместе, ведь все это подкреплялось диссертациями и монографиями, целыми научными направлениями «булгаристов», «татаристов», диалектологов и т.д., закреплялось государственными премиями и званиями. Потерялись широкий контекст и глубина исследования.

О таком делении татар по диалектическому признаку и на этнографические группы мечтал Петр Столыпин. В протоколе заседаний Особого совещания 1910 года было отмечено, что «15-миллионное мусульманское население России, относящееся по преимуществу к одному племени и говорящее хотя и на различных наречиях, но имеющих в своей основе один язык, переживает в настоящее время новый фазис своего развития, стремится к просвещению и, разрушая старый, создает новый быт, который угрожает культурной самобытности России». Реакционеры царской России прекрасно понимали, что тюрки страны (сегодня СНГ) «одно племя» и в своей основе имеют один язык. Достаточно послушать балкар или кумыков, ногайцев или башкир, казахов, киргизов, чтобы понять их без переводчика. Не нужен переводчик, значит у нас один язык, при внимательном изучении — одна история, одна культура. Вот и вся методология. А наши языковеды отыскивали десятки диалектов только в татарском языке, а этнографы десятки

этнографических групп. В некоторых областях только из научных книг узнали, что они, оказывается, на самом деле мишаре, а не собственно татары и говорят на особом диалекте.

Петр Столыпин, а вслед за ним большевики стимулировали обособление этнографических групп тюрко-татар, возведя их в ранг наций и народов, а любой намек на единство стали называть пантюркизмом. Зачем же наши ученые продолжают это дело? Наука по определению является синтетической, она изучает этнос и общество в целостности. Анализ — всего лишь предварительный этап в научном исследовании, но не итог.

Конечно, каждый хочет знать свою родословную, историю своей деревни и города, особенности культуры в каждом регионе, специфику говоров. Это замечательное желание, которое должно быть подкреплено научными и популярными изданиями, но это не повод для объявления сибирских татар или кряшен, или нагайбаков отдельными народами, чему старательно способствовали наши гуманитарии.

От советского наследия нам досталась катастрофическая отсталость от мировой гуманитарной науки в методологическом плане. Мы гордимся теми, кто даже в советское время сумел написать о Золотой Орде, это Сафаргалеев и Миркасым Усманов, но они не могли и не стремились менять методологию. А сегодня это настоятельная потребность.

За последние годы не появилось ни одного труда в гуманитарной сфере, включая наших зарубежных коллег, в которых были бы предложены новые подходы к исследованию истории, языка, культуры. Подготовка студентов в Казанском федеральном университете несет все недостатки старой школы, и мы получаем кадры, продолжающие советские традиции.

Не сказать, что в России дела обстоят лучше, но у них задел был мощнее, и они в чем-то могут выглядеть достойно в течение какого-то времени, но неко-

торые направления уже вырождаются. Например, этнология, уходящая корнями в труды Миклухо-Маклая, сегодня стала или этнополитикой, т.е. разделом политологии или этносоциологией, т.е. разделом социологии. А этнография умирает вместе со стариками. Этнологов не осталось. Однако такая полиэтничная страна, как Россия, не может существовать без этнологии.

Существенный научный потенциал имеется не только в Петербурге и Москве, но и в Уфе, Барнауле, Новосибирске, Томске, Екатеринбурге. С нами сотрудничает ряд исследовательских центров в Болгарии, Крыму, Казахстане, Венгрии и Германии. Есть отдельные специалисты в США, Турции, Франции, Польше и других странах. Важно укреплять координирующую функцию Академии наук Татарстана не только в организационном, но и методологическом плане. К сожалению, за последние годы университеты России потеряли свой исследовательский потенциал в гуманитарной сфере, основные исследователи собраны именно в академических институтах.

Дальнейшее развитие гуманитарных наук по татарской тематике — или шире — по истории и нынешнему состоянию Евразии может состояться благодаря двум кардинальным изменениям в методологических подходах.

Первое. Гуманитариям необходимы полидисциплинарные подходы, но это невозможно сделать искусственно. Мы пытались в рамках Института истории интегрировать подходы историков, этнологов и археологов, но не смогли договориться даже о единой терминологии, например, по такому понятию, как культура. У историков одно понимание культуры, у этнологов оно несет другой смысл, археологи — сами не понимают, что означает культура. Еще труднее найти общий язык с лингвистами, которые превратились в диалектологов, а литературоведы стали интерпретаторами текстов произведений. Тем не менее, мы продолжаем успешно работать вместе только потому, что выучили тер-

минологию друг друга, без какой-либо редукции понятий. Между тем «культура» предполагает некую модель поведения людей. Это не просто праздники, ритуалы, обряды захоронений, религиозная догматика, литература и искусство. При нынешнем традиционном подходе культура расчленена по разным наукам и обособленным дисциплинам, в то время как она целостна и органично связана с социальной жизнью.

История может подсказать модели поведения, которые уже оправдали себя в прошлом. Например, история нас учит, что до революции самые успешные предприниматели как у русских, так и татар были честными, поскольку они следовали кодексу чести, поддерживали систему образования, занимались благотворительностью. Воры и обманщики рано или поздно сходят со сцены и не потому, что их поймали, или Бог наказал, а потому что они выстроили свой бизнес вне интересов общества. Это не сознательная деятельность священников и моралистов, а самозащита общества.

Другая поучительная тема связана с образованием, о чем оставили не только интересные мысли, но и важный опыт Шигабетдин Марджани, Галимджан Баруди, Исмаил Гаспринский, братья и сестра Буби-Нигматуллины. О чем он говорит? Мы можем полагаться исключительно на собственные учебные заведения, которые должны стать мирового уровня. Баруди предлагал, изучая русский и другие языки, тем не менее, создать собственную образовательную систему и не по этнической причине. Он уже тогда критиковал русскую и немецкую систему образования, в которой слишком много было схоластики. Почему мы сегодня должны полностью полагаться на российскую, западную системы образования, или исламский мир?

Мы посылаем детей учиться в разные страны, откуда они привезут другие традиции, которые идут в разрез с нашими. Нам не подходит пуританская Америка, лютеранская Германия, ка-

толическая Франция, кальвинистская Швейцария, конфуцианский Китай. У нас Евразия, в основе которой лежит тюрко-славянский союз со своими традициями. Система образования – громадный ресурс, гораздо эффективнее, чем нефтяные запасы, поэтому должна быть своя собственная система образования на татарском ли, русском, английском, но своя. Я пытался вспомнить удачный пример тех, кто обучался в последние годы за границей и сделал вклад в татарскую культуру. Таких не вспомнил. Зато могу назвать немало примеров того, как наши коллеги или их дети уехали учиться и не вернулись. Они любят свою Родину, но издалека. Когда мы говорим об обучении детей за границей, мы просто их отсылаем за границу из непредсказуемой России.

Для объединения гуманитарных дисциплин должны быть сформулированы общие темы, связанные не с прошлыми, а с сегодняшними задачами. История нужна для того чтобы понять настоящее и предсказать будущее. О чем нам говорят архивы, археологические находки? Какой смысл несут этнографические материалы? И что должна нам подсказывать этнология или – шире – антропология? Каков реальный результат этих усилий, но не рыночная стоимость, а общественная значимость? Такие требования выдвигает жизнь.

Всем интересно знать прошлое, как все было на самом деле. Это не простое любопытство, оно связано с пониманием смысла жизни. Все хотят знать, откуда они произошли. Не сбрасывая со счетов естественное и оправданное любопытство, тем не менее, прошлое надо изучать ради будущего. Нет другого смысла у гуманитарных наук. Поэтому путь исследования истории идет не от прошлого к современности, а наоборот, – от настоящего к прошлому. Именно современность диктует проблемы историкам, но не в каком-то конъюнктурном, сиюминутном плане. Историк задает прошлому те вопросы, которые существенны для современности.

История – это наука о будущем.